

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук, главного научного сотрудника Борисова Евгения Васильевича на диссертацию Демина Тимофея Сергеевича «Проблема знания: современная аналитическая эпистемология и теория знания Бруно Латура», представленной к защите на соискание учёной степени кандидата наук по специальности 5.7.1 – онтология и теория познания (философские науки).

Рецензируемое диссертационное исследование посвящено вопросу о природе знания, который является одним из центральных вопросов философии, начиная как минимум с Парменида, и остается одним из самых **актуальных** в современной литературе. О значимости этого вопроса свидетельствует обилие обсуждаемых в литературе трактовок знания и острота дискуссий между сторонниками альтернативных эпистемологических концепций. В диссертации дан систематический анализ наиболее влиятельных теорий знания, представленных в современной аналитической философии, показаны главные проблемы, которые остаются открытыми в этой традиции, выявлена специфика теории знания Латура и разработана оригинальная концепция знания, опирающаяся на теорию Латура и решающая основные проблемы, стоящие перед аналитической эпистемологией. Это позволяет высоко оценить **научную новизну** полученных автором результатов.

Научная значимость результатов работы обусловлена следующими обстоятельствами. 1) В работе дан глубокий анализ современного состояния эпистемологических исследований в аналитической философии. Результатом этого анализа является систематизация наиболее влиятельных концепций знания, представленных в данной традиции, и экспликация проблем, с которыми они не справляются. В этой части работы особенно интересным результатом является демонстрация того факта, что теории знания как истинного обоснованного мнения не справляются с проблемой Геттиера, и критика трактовки знания как ментального состояния в концепции «Knowledge first». 2) В работе детально эксплицирована специфика теории знания Латура в сравнении с эпистемологией в аналитической философии. Автор продемонстрировал продуктивность рассмотрения знания как комплексного феномена, включающего в себя каузальные механизмы передачи информации, процесс становления эпистемического отношения между субъектом и объектом и социальное измерение знания. В этой части работы высокую научную значимость имеют выявленные автором возможности развития теории знания Латура с использованием некоторых идей аналитической эпистемологии. 3) В диссертации разработана оригинальная концепция знания, в которой эвристический потенциал теории знания Латура усиливается за счет

некоторых идей аналитической эпистемологии, что открывает возможность решения проблем, остающихся открытыми в современной аналитической эпистемологии, таких как проблема Геттиера и проблема скептицизма. Авторская концепция знания мне представляется перспективной, в том числе применительно к некоторым эпистемологическим проблемам, которые остались вне рассмотрения в работе (проблема специфики априорного знания, проблема познаваемости и др.).

В целом для меня несомненно, что исследование заслуживает высокой оценки. Однако работа не лишена определенных недостатков. Главный из них состоит в том, что в тексте встречается довольно много ошибочных, неточных и неясных рассуждений. Приведу несколько примеров.

1. Автор дает следующее определение пропозиции: «Пропозиция – это смысл высказывания. Например, “Желтый снег” и “Yellow snow” – это два разных высказывания (они сделаны на разных языках), но у этих высказываний одинаковая пропозиция» (с. 22). Это определение неточно: пропозицию выражают не любые высказывания, но только повествовательные предложения; фраза «желтый снег» пропозицию не выражает. На с. 23 автор верно пишет, что пропозиции имеют истинностное значение; в связи с этим любопытно, какое истинностное значение автор приписывает пропозиции, которую, по его мнению, выражает фраза «желтый снег». Автор считает, что термин «пропозиция» имеет следующее достоинство: «В отличие от термина “высказывание”, он не настолько сильно ассоциируется с языком» (с. 23). Поскольку автор определил пропозицию как смысл высказывания, процитированный пассаж вызывает изумление: по мнению автора, понятие «смысл высказывания» ассоциируется с языком слабее, понятие «высказывание»?!

2. На с. 39 автор приводит два мысленных эксперимента, которые, по его мнению, являются контр-примерами к определению знания у Кларка. Оба примера я нахожу неудачными. 1) Пример со следователем: у следователя есть «огромное количество... доказательств в пользу виновности подозреваемого» (с. 39) и есть одно ложное свидетельское показание. По мнению автора, если знание понимать по Кларку, то в этом случае следователь не знает, что подозреваемый виновен. Я считаю этот вывод ошибочным: из определения знания Кларка следует, что наличие истинных свидетельств порождает знание, но *не* следует, что наличие ложных свидетельств исключает знание. 2) Пример с овцой и собакой: человек убежден, что на поле есть овца, потому что увидел собаку и принял ее за овцу. Автор говорит, что это убеждение «не возникает из ложного основания» (с. 39); я с этим не согласен: оно возникает из ложного убеждения, что животное, которое человек видит, является овцой. Эти два случая автор характеризует как «непреодолимые трудности» (с. 39), с которыми сталкивается теория Кларка. Думаю, их непреодолимость автором несколько преувеличена.

Отмечу также неясность в авторском пересказе определения знания у Кларка. Пункт 4 у Кларка выглядит так: «S's belief that p is fully grounded» (Clark. Knowledge and grounds... P. 47); в пересказе автора: «убеждение S, что P, строится на правильных основаниях» (с. 38). Здесь непонятно, как автор различает правильные и неправильные основания, и как правильность оснований соотносится с требованием полной обоснованности у Кларка.

3. Много неясностей содержится в разделе 2.4.3, посвященном понятию «светимости». Автор цитирует в своем переводе определение светимости Уильямсона: «Уильямсон обозначает доступные ментальные состояния как «светимые» (luminous). “Условие С – светимое, если и только если для каждого случая α , если в α С достигается, то тогда в α некто знает, что С достигнуто”» (с. 100; цитата из: Williamson. Knowledge and its Limits. P. 95). Этот пассаж содержит два неясных момента и одну переводческую ошибку. 1) Автор использует термин «доступные ментальные состояния» без определения, поэтому читателю неясно, о каких ментальных состояниях идет речь. 2) Ошибка в переводе: автор переводит фразу «is in a position to know» как «знает», но эта фраза означает «может знать» («в состоянии знать»). 3) Лично мне непонятны авторские фразы «условие достигается» и «условие достигнуто». Соответствующая фраза в оригинале – [a condition] obtains – означает, что условие имеет место (выполнено). В терминологии Уильямсона *условие в случае* – это просто возможный факт (Williamson. Knowledge and its Limits. P. 52); возможные факты могут иметь место или не иметь места, но не могут «достигаться». Следующее предложение усиливает неясность этого абзаца: «Если... мы знаем о том, что испытываем головокружение, то чтобы это узнать, ...» (с. 100). Лично я не понимаю, как можно узнать то, что мы уже знаем.

Автор формулирует «принцип различения светимости» (DLP): «условие С является более светимым, чем условие D, если для *значительного* количества случаев α С корректно идентифицируется чаще, чем D, в сопоставимых по контексту обстоятельствах» (с. 102). Мне эта формулировка неясна, поскольку я не нашел в тексте ответа на следующие вопросы: 1) Что такое «обстоятельство»? Случай в терминологии Уильямсона – это центрированный возможный мир (Williamson. Knowledge and its Limits. P. 52); если автор отличает обстоятельство от возможного мира, то непонятно, по каким основаниям. 2) Что такое контекст? В одном из стандартных определений контекст – это центрированный возможный мир, т.е. случай в терминологии Уильямсона. Судя по этой формулировке, автор отличает контекст от случая, но, опять же, неясно, как. 3) Две отмеченные неясности не позволяют понять, в каком смысле обстоятельства могут быть «сопоставимыми по контексту». 4) Автор говорит о частоте корректной идентификации условия в том или ином случае. Поскольку случай содержит возможный мир, время и агента, в каждом случае любое условие либо идентифицировано, либо нет. Это не событие, которое может происходить с той или иной частотой, поэтому непонятно, о какой частоте

идет речь. 5) Наконец, неясно, что значит «значительное количество случаев»: автор не сообщает, какое количество он считает значительным. Туманность этой формулировки вынуждает читателя предполагать, что автор хотел сказать (но не сказал). Рискну предположить, что автор хотел сказать следующее: С более светимо, чем D, если случаев, когда агент знает о С, больше, чем случаев, когда агент знает о D. (Если допустить, что множество случаев бесконечно, то определение следует сформулировать так: «... если мощность множества случаев, когда агент знает о С, превышает мощность множества случаев, когда агент знает о D».)

Чуть ниже мы читаем: «формулировка принципа хорошо передает интересующее меня наблюдение: знание менее светимо, чем ментальные состояния, и поэтому оно не является ментальным состоянием» (с. 102-103). Здесь неясно, говорит ли автор обо *всех* ментальных состояниях или только о *некоторых*. Если обо всех, то тезис не обоснован, потому что автор сравнил знание только с двумя видами ментальных состояний (мнением и воспоминанием). Если о некоторых, то вывод не следует из посылки: из того, что Джон ниже некоторых филателистов, не следует, что Джон не филателист. В любом случае тезис, что знание не является ментальным состоянием не обоснован. Отношение автора к этому тезису выражено довольно туманно: с одной стороны, автор говорит: «Мне не удалось развить из формулировки DLP аргумент, который бы однозначно доказывал, что знание – это не ментальное состояние»; с другой, автор воспроизводит этот тезис в заключении ко второй главе (с. 111), а в процитированном пассаже на с. 102-103 называет его «наблюдением». Неясность формулировки DLP и неясность связи этого принципа и тезиса, что знание не является ментальным состоянием, существенно затрудняют понимание раздела 2.4.3.

4. В изложении теории Латура и в своей собственной концепции знания автор использует понятие «цепочка референций», однако не дает этому понятию определения. Я предполагаю (без уверенности), что цепочка референций в авторском понимании – это механизмы передачи информации, которая в конечном счете становится содержанием знания. В этом смысле я понимаю, например, первый абзац на с. 9; это понимание данного понятия подтверждают некоторые примеры знания (в частности, примеры на с. 119-120). Однако применение этого термина в работе в некоторых случаях не соответствует данному определению. Например, обсуждая один из случаев Геттиера в разделе 3.4.3, автор описывает следующую цепочку референций: «монеты в кармане Смита (истина) – Смит получит повышение по словам начальника (истина) – Смит должен получить повышение (ложь) – (Джон получает повышение)» (с. 147). Я здесь не понимаю, какую референцию автор усматривает, например, между монетами в кармане Смита и словами начальника о грядущем повышении Смита. От монет к словам начальника передается информация? Очевидно, нет. Между монетами и речевым актом начальника есть каузальная связь?

Опять, конечно, нет. Тогда в чем состоит эта референция? Этот вопрос у меня возникает и применительно к двум другим тирам в процитированном пассаже, и я не нашел в тексте ответа. У меня сложилось впечатление, что в некоторых случаях (таких как обсуждаемый пассаж) автор использует понятие «цепочка референций» настолько широко, что оно теряет смысл.

5. Одно из возможных возражений против теории знания Латура, которые обсуждаются в работе, состоит в том, что эта теория включает в знание чересчур широкий класс нементальных феноменов, в результате чего оказывается, что знание в смысле Латура имеет принципиально иную природу, нежели знание в смысле аналитической философии. Отвечая на это возражение, автор пишет: «разница, например, между неизменной мобильностью и законами природы в том, что про законы природы неуместно говорить, что цель их существования – достижение истины агентами. Однако именно для этого существует неизменная мобильность или любая другая эпистемическая сущность» (с. 137). Представленная в этом пассаже телеологическая трактовка элементов знания лично для меня прозвучала, как гром среди ясного неба: ни до, ни после этого пассажа автор не разъясняет и не обосновывает ту телеологическую метафизику, которую, предположительно, имеет в виду. На с. 119 автор описывает знание агента о том, что на ковре сидит кот, следующим образом: «частицы света падают на кота и ковер. Они отображаются от поверхности кота и ковра. Отраженные частицы света улавливает сетчатка глаза....» В связи с этим возникает вопрос: считает ли автор, что существование кота, ковра и фотонов имеет цель, и она состоит в том, чтобы агент достиг истины? Если да, то было бы любопытно узнать обоснование этого тезиса.

Приведенные замечания имеют локальный характер: они не ставят под сомнение главные результаты работы и не снижают ее общей высокой оценки. Диссертационное исследование выполнено на самом высоком научном уровне. Полученные автором результаты основаны на детальной проработке огромного массива литературы, что обеспечило охват всех основных аспектов проблемы знания и всех влиятельных подходов к ее решению. Собственная концепция автора основана на ряде интуитивно привлекательных эпистемологических идей и намечает перспективный подход к решению ряда проблем, остающихся нерешенными в современной эпистемологической литературе. Это обеспечивает убедительность авторской аргументации и высокую степень достоверности и научной значимости вынесенных на защиту положений. Работа выполнена самостоятельно; основные результаты представлены в пяти научных публикациях, четыре из которых опубликованы в журналах, входящих в список ВАК, две – в журналах, индексируемых в наукометрической БД «Web of Science». Основное содержание диссертации отражено в автореферате.

Диссертация Демина Тимофея Сергеевича на тему «Проблема знания: современная аналитическая эпистемология и теория знания Бруно Латура»

соответствует критериям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от 24.09.2013 г.), ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1 – онтология и теория познания.

Доктор философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, доцент, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Борисов Евгений Васильевич

05 мая 2025

Контактные данные:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Тел: +7 383 330 0975

e-mail: secretar@philosophy.nsc.ru

web-сайт: <http://www.philosophy.nsc.ru>

Подпись Е. В. Борисова удостоверяю:

Ученый секретарь Ученого совета

Е. В. Покасова